

«Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков». — М., изд-во «Наука», 1971. 295 стр.

Задачи сравнительно-генетического изучения групп автохтонных языков Кавказа настойчиво требуют создания широкой фактической основы исследования. Важную роль призваны сыграть в этом плане обобщающие лексикологические труды, к которым лишь относительно недавно приступило кавказское языкознание. Естественно поэтому, что кавказоведы разных специальностей с большим интересом встретили выход в свет первого сравнительно-исторического исследования лексики дагестанских языков, выполненного коллективом лингвистов Дагестана (С. М. Гасанова, Г. Х. Ибрагимов, П. Т. Магомедова, У. А. Мейланова, Б. Б. Талибов).

Рецензируемый труд создавался в специфических условиях. Если учесть, что сколько-нибудь древние письменные памятники дагестанских языков практически отсутствуют, а широкие сравнительные штудии в дагестанском языкознании находятся по существу еще на начальной ступени развития, то становится ясным, насколько важным средством сравнительно-исторического исследования здесь должна быть внутренняя реконструкция. А это в свою очередь значит, что основной эмпирической базой труда является синхронное состояние рассматриваемых языков. Вместе с тем, несмотря на проделанную в последние десятилетия огромную работу по изучению этих языков, состояние синхронной лингвистики в дагестановедении пока еще трудно считать удовлетворительным. Во-первых, далеко не для всех языков существуют достаточно полные и единообразно выполненные грамматические описания, во-вторых, для ряда языков отсутствуют какие бы то ни было словари, в-третьих, нет единой системы фонетической транскрипции. Все перечисленные факторы, несомненно, были серьезной помехой при создании этого труда.

Сбору лексического материала здесь должна была предшествовать большая теоретическая работа по обобщению всех итогов дагестановедческих исследований. Необходимо было выработать единую классификацию фонологически значимых звукотипов, встречающихся в этих языках, и устранить разноречие в существующих транскрипционных и орфографических системах: для целей сравнительно-исторического исследования единственно приемлемой могла явиться унифицированная транскрипционная запись, способствующая установлению адекватных соответствий между морфемами сравниваемых языков. Степень родства различных групп дагестанских языков подсказывала, что сопоставлению должны подлежать не столько цельные лексемы, сколько корневые морфемы, а это

потребовало от авторов кропотливого труда по определению инвентаря служебных морфем (как словообразовательных, так и словоизменительных) по всем языкам. Исследованию должна была также предшествовать работа по определению тематического состава собираемого словаря с тем, чтобы выявить максимальное число генетически связанных лексем. Важной и очень трудоемкой стороной исследования, несомненно, оказался сбор самого лексического материала, в значительной мере производившийся в полевых условиях.

Поскольку с решением всех этих сложных задач авторы в общем справились, им удалось подготовить полноценное исследование, достоинства которого прежде всего определяются уровнем сравнительно-исторического анализа материала.

Рецензируемая книга состоит из «Предисловия» (стр. 3—10), написанного Г. Б. Муркелинским, «Введения» (стр. 11—20), двух частей — I. «Фоно-морфологическая структура слов в дагестанских языках» (стр. 21—102) и II. «Сравнительный словарь дагестанских языков» (стр. 103—273) — и «Заключения» (стр. 274—286); к книге приложены библиографический перечень, список сокращений и перечень транскрипционных знаков. В первой части трактуются конкретные вопросы фонетики и грамматики дагестанских языков. Большой раздел посвящен описанию их современного звукового инвентаря, а также обобщениям, касающимся предполагаемого состава прадагестанских фонем (стр. 21—58); приводится таблица соответствий согласным прадагестанского языка для всех современных языков (стр. 51—58). В двух последующих разделах рассматривается структура именных (стр. 59—72) и глагольных основ (стр. 73—102), что необходимо для понимания принятых авторами принципов морфологического деления.

Основная, вторая часть книги представляет собой словарное собрание, охватывающее материал всех двадцати шести дагестанских языков. Авторы вполне обоснованно избрали тематический принцип организации словаря. В словарной статье они отправляются от некоторого общего смысла, передаваемого корневыми морфемами сопоставляемых лексем. Этот смысл фиксируется соответствующей русской лексемой, стоящей в заголовке статьи. Словарные статьи группируются по частям речи: существительное (около 280 статей, стр. 103—216), прилагательное (около 40 статей, стр. 216—228), местоимение (8 статей, стр. 228—231), числительное (14 статей, стр. 231—239), глагол (50 статей, стр. 239—269), наречие (11 статей, стр. 269—273). В свою очередь, существительные разбиты на

тематические подгруппы — названия частей тела человека и животных, семья и терминология родственных отношений, болезни человека, отношения между людьми; зоологические и ботанические названия; сельское хозяйство и инвентарь; явления природы и календарь; дом, строения, утварь; пища, пищевые продукты; одежда, обувь, принадлежности обихода.

В фактической части словарной статьи сопоставлены лексемы (по языкам в фиксированном порядке), корни которых могут быть возведены к предполагаемой праформе. Если существует более одной общей праформы, словарная статья членится на соответствующее число подстатей. В исследовательской части статьи дается фонетико-морфологический анализ приведенных лексем и содержится исторический комментарий.

В краткой заключительной части книги (стр. 274—286) дается семантическая характеристика всего рассмотренного лексического фонда с попыткой его культурно-исторического истолкования.

Наиболее важным итогом труда следует считать первый в истории кавказского языкознания опыт систематизации прадагестанского словаря, каким он представляется в настоящее время (в качестве праязыковых здесь трактуются основы, засвидетельствованные по крайней мере в каких-либо двух группах дагестанских языков). Этот опыт, несомненно, должен быть признан удачным. Авторы собрали и подвергли сравнительно-историческому рассмотрению огромный лексический материал (около 400 словарных статей). Выполнена тщательная работа по исключению усвоенного в позднее время фонда, не представляющего интереса с компаративистской точки зрения, вследствие чего число неопознанных заимствований сведено практически до минимума¹.

Общий высокий уровень интерпретации лексики, особенно если учесть объективные трудности самого материала, не вызывает сомнений. В этой связи достаточно сказать, например, что в аспекте предпринимаемых реконструкций звуко-типа прадагестанских лексем рецензируемая работа опирается на образцовые труды Е. А. Бокарева и Т. Е. Гудавы и, в частности, в принципе разделяет тезис об исконности здесь серии латеральных

согласных². Имеются все основания утверждать, что вместе с некоторыми другими параллельно ведущимися работами рецензируемая книга закладывает фундамент этимологического словаря нахско-дагестанских языков.

Другим очевидным итогом труда является предпринятая на собранном материале дальнейшая разработка ряда проблем сравнительной грамматики дагестанских языков. Ее конкретные результаты дают себя знать в аспекте анализа как фонологической, так и морфологической структуры основ. Так, материал словаря наглядно свидетельствует, что если глагольные основы чаще характеризуются схемой *CV* и реже — *CVC*, то в именных, напротив, резко преобладает *CVC*: примерно на 245 непроизводных двуконсонантных именных основ приходится лишь около 70 одноконсонантных (более строгим критиком число последних могло бы быть существенно сокращено).

В плане морфологического анализа основ привлекает внимание довольно осторожный подход авторов к толкованию исторической структуры именных баз, которые еще в недавнем прошлом были объектом совершенно произвольного членения. Весьма показательно, в частности, что в большинстве случаев они осознают проблематический характер постуляции окаменелых классных префиксов в субстантивах неотглагольного происхождения.

Следует, наконец, отметить, и самостоятельную ценность содержащегося в работе лексического материала, особенно — по бесписьменным языкам, способного в известной мере играть роль справочника (использование книги в этом плане несколько затруднено отсутствием пословного указателя).

Материал исследования сосредоточивает внимание на некоторых специфических факторах, учет которых сравнительной грамматикой дагестанских языков представляется необходимым.

Один из них — роль фактов нахских языков в реконструкции общедагестанских архетипов. Как известно, ни один кавказовед не сомневается в родстве нахских языков с дагестанскими (особенно тесно они связаны с аварско-андийско-цезской группой последних). Внутренняя логика исследования привела авторов в ряде случаев к ссылкам на соответствующие нахские факты. Действительно, не приходится сомневаться в том, что учет последних повышает степень достоверности реконструируемых прадагестанских форм. Так, именно к праформе **барцI* «волк», а не **бацI*, предлагаемой

¹ Из в общем немногочисленных в этом отношении уцелений можно указать на лексемы: «тулуп» (авар. *хъабача* и др. — стр. 215), «граница» (ахвах. *дазу* и др. — стр. 141), «невестка» (авар. *нус* и др. — стр. 132), «пророк» (дарг. *идбаг* и др. — стр. 146), «друг» (будух. *гьамбаз* и др. — стр. 130), «коса» (авар. *чIуникI* и др. — стр. 174), «барабан» (легз. *далдам* и др. — стр. 139), «пуговица» (авар. *кIучI* и др. — стр. 214), «сливочное масло» (гуниз. *кIарахи* и др. — стр. 208) и некот. др.

² См.: Е. А. Бокарев, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961; Т. Е. Гудавы, Консонантизм андийских языков, Тбилиси, 1964.

на стр. 150, естественно прийти, если принять во внимание не только лакск. *барцI* и исторический лезгинский эквивалент основы *барцI*, выявленный недавно Б. Б. Талибовым, но и имеющиеся нахские параллели, например, бацбийск. *бIорцI*. Нахские формы вносят коррективы в реконструкцию общедагестанских лексем со значением: «женщина», «дым», «серп», «лиса», «жать», «палка», «ты», «семь» и мн. др. Следует также иметь в виду, что систематическое обращение к нахскому материалу способно не только уточнить облик основ праязыкового фонда, но и расширить объем этого фонда (ср. в этой связи эксклюзивные соответствия типа нахск. *тIум* — цахур. *цIум* «костный мозг»).

Другой подобный фактор составляет внутридагестанская лексическая интерференция. Целый ряд словарных параллелизмов, повторяющихся здесь по языкам в более или менее идентичной форме и занимающих в них более заметное место, чем это можно было предполагать, вплотную подводит дагестанское языкознание к разработке сложной, но очень интересной проблемы внутридагестанских заимствований. Как свидетельствует рецензируемая книга, в настоящее время эта проблема пока находит свое решение преимущественно в рамках отдельных языковых групп (ср., в частности, соображения авторов о зависимости ряда андийских и цезских лексем непосредственно от аварского источника).

Вполне естественно, что в адрес первого в своем роде исследования можно выдвинуть и ряд замечаний.

Не всегда адекватное решение находят в работе материал общедагестанских именных основ, что обусловлено неопределенностью критериев вычлениения в них исторических аффиксов (особенно так называемых «суффиксов-детерминантов» и классных экспонентов). В результате вычлениение классных показателей, например, в аварск. *ра-кI* «сердце», *ри-хел* «дизентерия», *ну-цIцI* «дверь», *бо-къ* «хлев», бект., гунзиб. *ри-с* «горло», чамал., ботл. *ре-къкъ* «вершина» и др., остается необоснованным. Вообще при рассмотрении этого вопроса следует учитывать, что в отличие от частей речи, изменяющихся в дагестанских языках по морфологической категории класса, имена существительные здесь распределяются по семантическим классам (отсюда неудобство использования в обоих случаях единого термина «грамматический класс»). Поэтому оправдана, например, постуляция классных префиксов в отглагольных субстантивах. Однако даже, казалось бы, очевидные прецеденты функционирования этих префиксов в составе нескольких непроизводных даргинских имен (ср. *в-арг* «желудок мужчины», *р-арг* «желудок женщины», *д-арг* «желудок животного») представляют собой выражение

иной категории, а именно — категории органической принадлежности, пережитки которой прослеживаются в названиях частей тела и номенклатуре родства, — также в отдельных других дагестанских языках. Что же касается «суффиксов-детерминантов» основ, то самое их понятие обрисовано весьма неопределенным образом.

Одним из кардинальных вопросов для работ подобного рода является вопрос о системе нотации. Авторы уделили ему большое внимание: они рассмотрели фонетические системы всех дагестанских языков и создали транскрипционную систему, традиционно связанную с орфографиями ныне письменных языков (следует отметить, что это нелегкая задача, так как в разных алфавитах приняты различные обозначения сходных звукоtipов). Алфавит знаков приведен в конце книги. Каждый знак интерпретируется в терминах фонетических признаков, определяющих обозначаемый им звук. Однако не все здесь сделано последовательно: как правило, проводится различие между смычными, аффрикатами и сплантами, а знаки *къ* и *хъ* неожиданно описываются как соответственно «глухой увулярный непридыхательный» (стр. 293) и «увулярный глухой придыхательный» (стр. 294), в то время как признак придыхательности нигде больше не участвует. В принципе этот признак следовало бы ввести, но не в первую очередь для увулярных; в данной транскрипции фонетически придыхательные трактуются как простые; а непридыхательные (и краткие, и долгие) — как геминированные, что связано с казаведческой традицией; неудобство этого видно на материале хиналугского языка, где в интервокальном положении могут быть придыхательные, непридыхательные и долгие смычные³; это обусловлено тем, что в увулярном ряду авторы не выделяют смычные аффрикаты. Упущением в системе обозначений является также отсутствие указаний на то, как интерпретировать такие сочетания, как *кк*, *цIцI*, *тт* и др., тем более, что проблема геминированных, которые здесь имеются в виду, достаточно запутана и для разных языков признак геминации имеет различные фонетические интерпретации.

Вообще надо заметить, что в работе недостаточное внимание уделено вопросу об уровнях записи. Неясно, на каком уровне записаны некоторые лексемы в пределах одного языка и, при явном тяготении к морфофонемной записи, можно встретить случаи как фонетической (ср. признак мягкости в хинал. *никI* '«кость» на стр. 114), так и близкой к морфемной записи (ср. арчин,

³ С этим связаны трудности записи краткого непридыхательного *к* в словах *мыкIыр* «доска» (стр. 171) и *лыкка* «мясо» (стр. 204).

да-х-«открыть» на стр. 259). Представляется, что для целей сопоставления желательно иметь несколько уровней записи, а если это невозможно, то в каждом случае фиксировать уровень обозначения конкретной формы (разумеется, это очень сильное требование, так как известно, насколько трудно его выполнить даже при описании одного языка).

В плане разграничения уровней желательно иметь и специальные пометы для обозначения реконструируемых форм.

Последний примыкающий сюда вопрос — вопрос точности записи. При существующем состоянии синхронных описаний значительное количество материала авторам приходилось записывать непосредственно у информанта. При недостаточной изученности языка сложность фонологической интерпретации звуков может приводить к ошибкам; здесь и ниже мы в основном опираемся на материал двух бесписьменных языков — хиналугского и арчинского, на которых ввиду недостаточной изученности обоих ярче видны трудности и недостатки исследования такого рода. Так, в хиналугском языке иногда непродыхательные глухие смычные записаны как соответствующие звонкие (*гыза* вместо *ккыза* «снег» на стр. 192, *доз* вместо *ттоз* «дверь» на стр. 196, *была* «шило» вместо *ппла* на стр. 202, 216) и, более того, ошибочно фигурируют фонемы *да* (*дао* вместо *цаа* «небо» на стр. 190) и *ккэ* (*ккэув* «крыша» вместо *кэув* «потолок» на стр. 200). В ряде случаев можно отметить другие неточности записи. Приведем примеры из арчинского языка: *сат* вместо *сот* «зуб» (стр. 111), *бакъ* вместо *баккыъ* «кишка» (стр. 112), *мамурчи* вместо *маймайрчи* «лицо» (стр. 116), *намхъ* вместо *набхъ* «слеза» (стр. 125), *мацц* вместо *мац* «язык» (стр. 127, ср., однако, стр. 43), *лэеннол* вместо *лэлоннол* «жена» (стр. 130), *декъ* вместо *делъ* «дорога» (стр. 142), *ани* вместо *аини* «яблоко» (стр. 168), *рохъ* вместо *рахъ* «борозда» (стр. 169), *сан* вместо *сан* «год» (стр. 182), *сангъи* вместо *ссангъи* «вчера» (стр. 194), *дагъани* вместо *дагони* «зеркало» (стр. 197), *мег* вместо *ме* «сыворотка» (стр. 207), *хъанкГьертну* вместо *хъонкГьертну* «хинкал» (стр. 210), *хоГшан* вместо *хоГшон* «рубаха» (стр. 215), *олъх* вместо *олъ* «шерсть» (стр. 216), *шубус* вместо *шшубус* «братъ» (стр. 240), *баццц* вместо *баццас* «доить» (стр. 246), *алъас* вместо *алъалъас* «жать (серпом); класть» (стр. 248, 251), *хас* вместо *хос* «найтись» (стр. 254). Имеются неточности и в записи хиналугского материала: *стГал* вместо *ыстГал* «палец» (стр. 120), *унк* вместо *унг* «сердце» (стр. 124), *хнимкГар* вместо *хнимкГир* «жена» (стр. 130), *пышла* вместо *пыла* «лиса» (стр. 154), *тГынк* вместо *тГынг* «капля» (стр. 188), *ваз* вместо *вац* «луна» (стр. 193), *ниц* вместо *нуьц* «мед» (стр. 205) *э^нс* вместо *энг*

«сыр» (стр. 209), *чешири* вместо *ччаьшири* «класть» (стр. 251).

Словарные статьи строятся таким образом, что в них даются только лексемы, сводящиеся к единому знаменателю. Поэтому при отсутствии в статье лексемы какого-либо языка предполагается, что там ее нет. Однако просмотр материала по арчинскому и хиналугскому языкам свидетельствует, что он не всегда учтен в полной мере. Так, в словаре отсутствуют арчинские слова: *хъал* «кожа» (стр. 113), *кьонкГол* «ноготь» (стр. 119), *бува* «мать (моя)» (стр. 131), *аццц* «болезнь» (стр. 135), *хъалшъгъалр* «парша» (стр. 137), *куц* «вид» (стр. 140), *буьт* «доля, часть» (стр. 141), *цГорбуьт* «рогатка» (стр. 144), *лъоб* «ножны» (стр. 145), *швигГила* «свирель» (стр. 147), *микГиран* «сновидение» (стр. 148), *нибсу* «молю» (стр. 156), *гваччи* «собака» (стр. 158), *муьг* «зерно» (стр. 164), *лъол* «вилы» (стр. 169), *хат* «горсть» (стр. 170), *цГалГан* «дрова» (стр. 172), *ссуьм* «стерня» (стр. 176), *ххел* «дождь» (стр. 185), *чГеле* «камень» (стр. 187), *генцук* «яйцо» (стр. 211), *паГмала* «брюки» (стр. 211), *тунг* «веретено» (стр. 212), *бехиттут* «высокий» (стр. 217), *цГекъдуд* «кислый» (стр. 220), *белхелтут* «черный» (стр. 226), *цГун ас* «беречь» (стр. 244), *чарас* «печь (хлеб)» (стр. 247), *бу-кьъас* «зарезать» (стр. 248), *асмус* «измерить» (стр. 250). Более беглый обзор хиналугского материала выявил отсутствие лексем: *ки* «баран» (стр. 148), *моьг* «зерно» (стр. 164), *мыц* «крапива» (стр. 165), *ынка* «река» (стр. 191), *цГытар* «голый» (стр. 217), *кьи* «быть» (стр. 240).

К неточностям фактического материала можно отнести некоторые случаи ошибочного включения лексем в словарную статью. Таковы, например, формы *кыла* (стр. 203), *гвархъ* (стр. 206), *бахас* (стр. 263), записанные как арчинские эквиваленты семантем «лепешка», «пирог», «приносить».

Принцип организации словарной статьи, при котором в ее заглавии стоит русский эквивалент, естественно предполагает возможность случаев несовпадения в том или ином языке значения рассматриваемой лексемы с данным в заглавии. Авторы избрали, по-видимому, правильный путь устранения этой трудности: в таких случаях при отклоняющейся от заглавного значения лексеме дается ее отдельное толкование. К сожалению, эта важная семантическая информация не всегда фиксируется. Ср. следующие арчинские примеры: *эйттур* «мать» (стр. 131) на самом деле означает «не моя мать»; *ноГш* (стр. 152) — не «кобыла», а «лошадь»; *муькур* (стр. 183) — не «грязь», а «грязь на теле»; *хацц* (стр. 202) означает «щипцы» (которыми пользуются у очага), *кГич* (стр. 214) — не «петля», а «пуговица»; *оккас* (стр. 245) — не «гореть», а «жечь»; *субус* (стр. 247) — не «жарить»,

а «варить»; *аблIес* (точнее: *а-б-лIес*, стр. 249) — не «идти», а «прийти»; *абтис* (стр. 257) не «оставить», а «освободить, пустить»; *боцIцIас* (стр. 258) — не «стоять», а «стирать»; *хъан квес* (стр. 265) — не «родиться», а «отелиться». В хиналугских примерах *вох* (стр. 175) означает «жернов», а не «мельница», *цIили* (стр. 260) — «сеять; наполнять», а не «пахать».

Большие трудности, очевидно, представляла для исследователей проблема выбора словарной формы для каждой части речи в целом и по каждому языку, поскольку приводятся лексемы, а не морфемы или основы. Действительно, выбрать для всех языков одни и те же грамматические формы едва ли возможно. Так, например, глагол в одних языках знает категорию инфинитива, а в других нет, в одних языках в словоформе легче выделить показатели одного класса, а в иных — другого класса, не говоря уже о том, что состав классов по языкам не совпадает, и т. п. Тем более в пределах каждого языка следовало бы выбрать соответствующие опорные формы и придерживаться принятого условия. Тенденции подобного рода, несомненно, имеются в словаре, но они выдержаны не до конца. Так, арчинские прилагательные даются без достаточного основания с показателями разных классов: *цIубатту-т* (4 кл.) «белый» (стр. 216), *йатIынну-б* (3 кл.) «красный» (стр. 221), *кьуретту* (1 кл.) «сухой» (стр. 218), слово же *б-икъатту* «голодный» (стр. 218) имеет префиксальный показатель 3-го класса и суффиксальный — 4-го; форма *мацIат* «новый» (стр. 222) в отличие от всех прочих приведена в усеченном виде (вместо *мацIатту*). Арчинские глаголы также даются с показателями разных классов: *къан к-в-ес* (1 кл.) «любить» (стр. 253), *кьурас* (4 кл.) «сохнуть» (стр. 268), *а-б-цIас* (3 кл.) «наполниться» (стр. 255); в статье «опорожнить» (стр. 257) вместо глагола *б-ачIи-б-у а-б-ас* (3 кл.) приведено прилагательное (во 2-м классе) *да-чIартту-р*; в статье «открыть» вместо реальной словоформы

даблъас (этот глагол по классам не изменяется) приведена форма на некотором морфемном уровне: *да-х* (стр. 259).

Хиналугские глаголы приводятся в форме причастий нерезультативного вида (это не очень удачно, так как морфологически она сложнее форм результативного вида, и приходится специально выделять видовые суффиксы *-ри*, *-ли*, *-ви*), а глагол «гаснуть» (стр. 244) дан в форме одного из прошедших времен от результативного вида: *кIи-ш-аьмаь*.

Все эти замечания показывают, насколько трудные задачи стояли перед авторами рецензируемого исследования. В силу необходимости им нередко приходилось впервые решать многие вопросы синхронного описания дагестанских языков, не получившие разработки в специальной литературе. В подобной ситуации ошибки неизбежны.

Конечно, последующие исследования не только внесут в обсуждаемый труд немало коррективов, но и существенно расширят его объем (в работе не учтены, например, общедагестанские лексемы со значениями «молоко», «хвост», «тур», «палка», «серп», «делить», «есть», «косить», «убивать»). Однако, едва ли возможно сомневаться в том, что именно рецензируемая монография послужит отправным пунктом всей дальнейшей работы в области сравнительно-исторической лексикологии нахско-дагестанских языков. Этот труд будет, несомненно, стимулировать и развитие описательного дагестановедения, важность которого для компаративистских исследований трудно переоценить. Настоящая работа будет полезна дагестановедам-синхронистам еще и потому, что, собирая воедино многочисленные факты всех языков, она позволяет шире взглянуть на место тех или иных грамматических и фонетических явлений в их типологии. Думается поэтому, что имеются все основания поблагодарить дагестанских лингвистов за создание большого и интересного труда.

А. Е. Кибрик, Г. А. Климов

Е. С. Скобликова. *Согласование и управление в русском языке.* — М., изд-во «Просвещение», 1974. 238 стр.

Способы связи слов, которые принято называть согласованием, управлением и примыканием, очень разнообразны. В последнее время все чаще высказывается мнение о необходимости пересмотра традиционного учения о видах грамматических связей между словами и введении в науку новых, более дифференцированных и точных понятий в этой области, более эффективной системы описания соответствующих конструкций.

К этой апелляции пересмотра и уточнения способов синтаксической организации слов в связной речи присоединяется и Е. С. Скобликова, опубликовавшая интересную и содержательную монографию о семантико-грамматической природе согласования и управления в русском языке.

Целью работы является характеристика «механизма» согласования и управления с точки зрения принципов, лежащих в их основе. Анализируются семантико-